

УДК 168.522

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-75-85

Д. Л. Шкарин

*Центр развития тренинговых технологий
ул. Большакова, 61, Екатеринбург, 620142, Россия*

dshkarin@mail.ru

ОТЧУЖДЕНИЕ В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА СОВРЕМЕННОСТИ

Анализируется изменение социального субъекта современности в качестве основного агента современного социума, рассматриваются факторы его трансформации в условиях господства неолиберальной модели. Демонстрируется, что субъектные эффекты отчуждения, обозначенные в трудах Маркса и получившие развитие в работах М. Фуко, в наши дни наиболее полно концептуализируются в исследованиях П. Дардо, К. Лаваль, А. Негри. Механизм тотального отчуждения, реализуемого в результате полного подчинения всех аспектов жизнедеятельности индивида требованиям экономического порядка, находит свое отражение в тенденции ее статистической кодификации и полномасштабной оцифровки показателей эффективности. Конечная цель подобной стратегии – придание отчуждению преимущественно внутреннего, интериоризированного характера, что означает полное подчинение индивида нормативам рыночного общества в его неолиберальной версии. Экспансия этого рода задается следующими стратегиями: доктрина свободного рынка; коммерциализация социальной сферы; принцип конкуренции в качестве доминантного принципа социального взаимодействия, вплоть до полной делигитимации не выдержавших ее субъектов с низведением их до статуса *homo sacer*, в терминологии Д. Агамбена. В завершение обрисовываются перспективы перехода к глобализированному цифровому сообществу и дальнейшей экспансии неолиберальной модели во все сферы современного общества.

Ключевые слова: общество, современность, отчуждение, субъект, неолиберализм, образование, индивид, поведение, управление, кодификация, цифровое сообщество.

Проблема отчуждения, начиная с исторического момента ее теоретической постановки, неизменно выступала и выступает в качестве одного из ведущих тематических направлений социально-философской мысли. Данное направление, начиная с работ К. Маркса раннего

периода, в XX в. получило развитие в работах Г. Лукача, позднейших представителей Франкфуртской школы и ряда других крупных теоретиков, но в наши дни особый интерес вызывают работы М. Фуко 70-х гг. XX в. о биополитике, поскольку они были посвящены начинавшейся тогда неолиберальной «революции», под знаком которой – в чем сегодня мало кто сомневается – совершается ныне процесс глобализации, равно как и все прочие социально-политические и идеологические подвижки более частного порядка.

Разбирая оформляющиеся еще в середине XVIII в. стратегии власти в русле биополитики и констатируя, что основным агентом постепенно модернизирующегося общества все чаще становится отдельный индивид, Фуко выделил две формы управления: *нормацию*, как способ дисциплинарного принуждения индивида со стороны централизованной власти, и *нормализацию*, как анонимное управление через учет поведения эмпирических множеств в стратегии интeриоризированного контроля [Фуко, 2011]. А так как сознание и поведение индивида – это арена, где обе формы власти перекрываются, то именно здесь совершается формирование механизма подчинения социального субъекта социальной системе. Субъектность индивида при этом реализуется как свобода локальных экономических действий при отсутствии возможности контролировать экономическую сферу более обширного порядка, равно как и все иные аспекты социальной системы. Сохранение такой простейшей исходной модели на протяжении всей позднейшей истории рыночного общества при всех его модификациях, не только дало основание для более чем 250-летней перманентной критики [Болтански, Кьяпелло, 2011], но уже в наши дни позволило современным теоретикам говорить о возрастающих рисках возникновения нового вида отчуждения или деспотии, основанной на праве «чрезвычайного положения» и превращении населения, лишённого контроля над ресурсами жизнеобеспечения, либо в счетную субъектность (товарная форма субъекта в условиях рынка, наемного труда и тотальной кодификации социальной действительности), либо в объект принудительного огосударствления (новейшая биовласть и биополитический статус *homo sacer* как деклассированного элемента, пребывающего под внешним управлением вне правового поля) [Агамбен, 2011]. Далее мы покажем, как оба эти варианта подчинения социального субъекта согласуются между собой в текущей ситуации.

Стратегиям экономического подавления социального субъекта в обществах с утвердившейся неолиберальной идеологией посвящены работы Кристиана Лаваль и Пьера Дардо [2011]. Они констати-

руют, что общим механизмом подчинения выступает процесс интериоризации контроля в условиях вынужденной конкуренции. Иначе говоря, отчужденный субъект не просто продает время своей жизни для воспроизводства существования, а вынужден подчинить все аспекты своего бытия экономическому измерению и даже исходя из него производить содержание собственной личностной тотальности, включая внутренний психологический мир и телесность. Фуко вслед за Марксом значительно углубляет анализ процесса отчуждения и вводит тему вынужденного производства субъективности, нормированной по лекалам меновой стоимости. Фуко обращает внимание на тот факт, что в неолиберальной политике трудящийся выступает не просто как продавец рабочей силы, отчуждая время своей жизни от полноценного существования в регулярном обмене на рынке труда. В неолиберальной экономике он, скорее, рассматривается как «машина компетенции», которая ему гарантирует определенный уровень дохода в долгосрочной перспективе. Теория человеческого капитала начинает рассматривать человека как механическое средство производства. «Компетенция трудящегося – это поистине машина, которую нельзя отделить от самого трудящегося. Компетенция, составляющая вместе с трудящимся тело, есть, так сказать, грань трудящегося как машины» [2010. С. 283]. Иными словами, рынок или «невидимая рука рынка» начинают трансформировать субъекта под себя. В свете этой же «машинной метафоры» трудящийся распадается как бы на два элемента: врожденные источники компетенции (генный потенциал) и приобретенные (воспитание, образование, опыт). В том же случае, если субъект выпадает из экономического отношения, доминирующего на всем пространстве социального, то, лишенный социальной поддержки со стороны неолиберального государства, он неизбежно маргинализируется. И здесь уже уместно говорить о статусе исключения, присваиваемого человеку, предъявляющему иную форму субъектности (маргинал, душевнобольной, преступник). Зоны же социального исключения, по Джорджо Агамбену, могут при определенных обстоятельствах становиться местом реальной аннигиляции *homo sacer*, как, например, концентрационные лагеря [2011].

Если в традиционных обществах форма субъекта в основном задавалась социализацией в виде инициационных практик, то теперь, в условиях нарастающей анонимности власти и отстранения государства, этот процесс постепенно утрачивает всякий смысл и для социальной системы, и для самого субъекта, который все более начинает смутно сомневаться в собственной идентичности, особенно в контексте непрекращающегося дискурса о «смерти субъекта», «исчез-

новении социальности» и «неуправляемом хаосе». Поскольку же социальный макроуровень таким образом исключается, то функцию социализации субъекта берет на себя мезоуровень (система образования, а также частные корпорации и сообщества, не представленные в явном виде на системном уровне). В результате атомизация общества и системная дезинтеграция отнюдь не ликвидируются, а, напротив, еще более усугубляются. Приведем высказывание Дж. Ю. Стиглица, главного экономиста и вице-президента Всемирного банка с 1997 по 2001 г., при непосредственном участии которого происходили множественные общемировые реформационные процессы в плане глобальной экспансии неолиберального курса на «вторичные» страны, включая Россию: «Но есть еще миллионы людей, на благо которых глобализация не сработала. Многие из них фактически стали жить хуже, поскольку их рабочие места были ликвидированы, а их жизнь стала менее безопасной. Они чувствуют себя все более беспомощными в противостоянии силам, находящимся вне пределов их контроля. Они видят, что их демократии подорваны, а культуры подверглись эрозии. Если глобализация будет продолжаться в том же духе, как это было до сих пор, если мы будем продолжать отказываться учиться на своих ошибках, глобализация не только не будет способствовать развитию, но и будет продолжать создавать бедность и нестабильность. При отсутствии реформ уже начавшийся откат будет набирать скорость, а разочарование глобализацией – нарастать» [2003. С. 129].

Нет смысла вдаваться в частности политико-экономических реалий, стоящих за этим заявлением, а тем более повторять наивные сентенции Ортеги-и-Гасета, утверждавшего, что по мере развития современного общества создается ситуация, когда «никто никем не правит» [2016. С. 36], – просто зафиксируем смысл заявления экс-президента Всемирного Банка: *верхний уровень системы с ситуацией управления не справляется*. Так ли это или нет – вряд ли стоит анализировать лишний раз: если вспомнить проведенное Фуко различие двух форм управления (через нормацию и нормализацию), то *справляется, и справляется эффективно*. Суть неолиберализма в том и состоит, чтобы сделать излишним прямое управленческое вмешательство в процессы экономического подчинения социальных субъектов, преобразовав его в косвенное, опосредованное, скрытое.

Теперь посмотрим на мезоуровень социальной системы. Поскольку институт образования имеет непосредственное отношение к формированию социального субъекта, то обратимся к нему. Государство, ослабляя свои позиции и степень участия в прямом управлении, постепенно отделяется от образования, что наиболее наглядно про-

является в приватизации образовательной сферы. К чему это ведет, открытым текстом проговаривается в программном заявлении директора направления «Молодые профессионалы» АСИ (Агентство стратегических инициатив) Дмитрия Пескова: «На текущий момент бизнес категорически не удовлетворен качеством подготовки студентов и вынужден переходить от модели корпоративных к собственным полностью подконтрольным университетам, начиная с инженерных, заканчивая управленческими <...> Будут работать связки систем бизнес-школа через голову вуза. Будут развиваться механизмы профориентации и работы с талантливой молодежью через систему кураторов из представителей успешного бизнеса и госуправления <...> Будут развиваться системы, аналогичные независимым советам директоров, которые будут ставить под контроль финансовые потоки вузов и принятие под контроль стратегических решений. Эта процедура будет происходить через расширение полномочий попечительских советов и через отбирание у вузов права на итоговую оценку выпускников».

Итак, высший уровень системной интеграции глобального общества сигнализирует о неуправляемости, государственный уровень интеграции сигнализирует о неуправляемости и передает вопрос еще на один уровень ниже – частным бизнес-корпорациям. Если это «судьба социальной системы», то какова в таком случае «судьба социального субъекта»?

«Судьбой социального субъекта» становится добровольно-принудительное возвращение в себе нормативных компетенций вместо квалификаций, внутри же компетенций центральное значение начинают играть так называемые трансверсальные компетенции, не привязанные к предметной специфике конкретной деятельности – такие, как уровень владения ПК и программным обеспечением, искусство публичных выступлений и т. п.; в этот идеал «виртуозного работника» (Паоло Вирно) входит все что угодно, вплоть до осанки и приветливого выражения на лице [Вирно, 2000]. Таким образом, социального субъекта современности все больше характеризуют следующие признаки.

- Биометрические показатели, фиксации хронотопа (перемещений в реальном пространстве), полная траектория следов в интернет-пространстве.
- Формальные показатели соответствия корпоративным и прочим институциональным стандартам, а также декларируемым ценностям.

- Текущие параметры жизнедеятельности, вплоть до количества потребляемых за день калорий и вышаганного на вечерней прогулке километража.

- Наборы предметных и трансверсальных компетенций (например, владение конкретным программным продуктом и общие навыки публичного выступления).

- Абстрактные коэффициенты индивидуальной производительной эффективности (например, КРІ, индекс Хирша, количество публикаций, всевозможные рейтинги представленности в сообществах, индексы узнаваемости и признания, аттестационные баллы, перекрестные критериальные оценки ассесмент-центров).

В конечном счете все это приводит к формированию количественной, «бухгалтерской» (счетной, цифровой) субъектной идентичности в противовес идентичности качественной, учитывавшей культуральные и исторические особенности традиционного, локального общества и соответствовавших ему индивидов. Данный аспект трансформации социального субъекта весьма убедительно концептуализируют Кристиан Лаваль и Пьер Дардо, развивающие идеи Мишеля Фуко о механизмах биополитического контроля в неолиберальном обществе. Они вводят ряд очень точных терминов, позволяющих анализировать экспансию экономических отношений на всю сферу социального, вплоть до характеристик агента современного социума: *однородность, квази-рынок, квази-деньги и бухгалтерская субъектность*. Они пишут: «Новизна неолиберализма состоит как раз в работе по приданию *однородности*, выполняемой по ту сторону разделения на рынок и не рынок: именно по той причине, что неолиберализм распространяет норму социальных отношений на все уровни индивидуального и коллективного существования» [Дардо, Лаваль, 2011. С. 108].

На роль гомогенной эквивалентности претендует *отношение полезности*. Само же отношение полезности тавтологично меновой стоимости, что переводит измерение эффективности на уровень чистого количества, т. е. цифры и ее постоянного роста: выходит, что польза капитала состоит в росте капитала. Парадоксальность подобного конструкта связана с тем, что ответ на вопрос «полезно для чего?» опять отсылает нас к меновой стоимости: «все полезно для роста цифры». «Если Маркс видел в экономическом развитии средство и необходимое условие человеческого освобождения, Арндт видит в нем установление нечеловеческой жизни, то есть жизни, подчиненной “нестественному увеличению естественного”. Экономика, которая раньше имела отношение только к частной сфере, то есть к “*onkos nomos*”, ста-

ла самым принципом гражданского общества... То, что должно было окружать и регулировать сферу производства ради целей высшего порядка, больше не функционирует. Польза установилась как единственный смысл, который может привести к бессмыслице, потому что все "функционирует" на одном и том же уровне, в циклическом и безграничном повторении, не имеющем больше никакого отношения к принципу высшего порядка» [Лаваль, 2010. С. 375].

Итак, социальная система капитализма обслуживает экономическую логику циркуляции капитала. Но если социальные субъекты, владеющие капиталом, безнадежно встроены в замкнутую логику его циркуляции по причине классовой принадлежности, то чем же тогда руководствуются социальные субъекты, лишенные отношения к собственности? Их положение определяется принципами функционирования неолиберального социума. Экспансия этих принципов во все сферы жизни происходит параллельно по ведущим направлениям неолиберальной политики: рынок, конкуренция, приватизация государственности и минимальная доля государственного участия.

Рассмотрим их последовательно.

А. Экспансия рыночных отношений как первого принципа означает внедрение системы обмена во все сферы жизнедеятельности без исключения: семья, образование, досуг, культура, политика и т. д.

Б. Экспансия конкуренции в те же сферы обеспечивает мотивационный источник включения в ситуацию обмена, как борьбы за ресурс.

В. Приватизация госсобственности означает изъятие ресурсов жизненного мира вне частного сектора, без которых социальный субъект не может обеспечить свое существование вне системы экономического обмена. Минимальная степень госучастия делает социального субъекта беззащитным «с тыла», заставляя еще интенсивнее включаться в рынок и конкуренцию в условиях «окончательной экспроприации капиталом общего», как выражается Антонио Негри в статье, посвященной коллизиям социальной диалектики в XXI в. и раскрывающей механизм добровольного принуждения или интериоризованного подчинения, как логика отчуждения социального субъекта от самого себя или вынужденного самоотчуждения.

Таким образом, сопоставление в одном контексте выстраиваемых в марксовой парадигме отчуждения версий Фуко, Дардо, Лаваль и Негри обнаруживает единое проблемное поле онтологии социального, в пространстве которого обрисовываются трансформации социального субъекта современности. Первичный анализ позволяет говорить об институциональном производстве множества локальных

и несбалансированных между собой форм счетной субъектности в условиях раздробленного и постоянно изменяющегося по неуправляемой траектории рынка. При этом, подчеркнем еще раз, данный механизм выходит далеко за пределы частной ситуации профессиональной деятельности, поскольку, как убедительно продемонстрировал Кристиан Лаваль, экономическая детерминанта пронизывает социальную онтологию современного мира насквозь в виде квазиэкономики. Поэтому, оставив в стороне частности, предельно заострим проблему рассогласования человека и системы: какие же перспективы вырисовываются в русле обозначенной тенденции?

М. Фуко в курсе 1978–1979 гг., посвященном биополитике, развивая мысль об экспансии экономического измерения в жизненное пространство современного человека, предложил слушателям страшный, на его взгляд, фантастический сюжет о логических следствиях генного планирования.

Но проследивание подобных тенденций в реальности глобализированного общества начала XXI в. приводит к еще более обескураживающим, отнюдь не радостным выводам. Речь идет о *проблематичности обоснования того, что согласно неолиберальным стандартам вообще может быть названо субъектом*. При этом перед субъектом встает еще более сложная задача, нежели при обосновании, например, своей принадлежности к определенной расе или нации; к тому же задача самообоснования собственной субъектности ложится на плечи самого субъекта, иначе он не будет допущен к конкурсу на это звание. Другими словами, система в своем автономном противостоянии социальному субъекту в ситуации конкуренции всецело делегирует ему все функции самообоснования и дает шанс пройти конкурсные испытания при тендерном отборе на право принадлежать системе. Более того, можно и условия конкурса сделать закрытыми и анонимными. А вместе с делегированием субъекту можно передать и ответственность за неудачу прохождения отбора, при которой он лишается статуса субъекта и превращается в *homo sacer* [Агамбен, 2011] – в лишенное прав социальное «нечто или ничто», с которым можно делать все, что угодно, в конце концов передав его в руки государства «в порядке исключения», т. е. для окончательной утилизации, уничтожения. Тем самым трансформация субъекта достигает максимума, а его отчуждение – исторического апогея.

Если облечь этот социальный механизм в цифровую форму в рамках неолиберальной экономики, вырисовывается «идеальная» модель абсолютного отчуждения и тотального подчинения человека анонимной системе глобальной власти финансовых структур. В этом

свете отнюдь не преувеличением выглядит характеристика мирового неолиберального сообщества, определяемого как «глобальный проект, целью которого является построение нового рабовладельческого общества, управляемого посредством использования информационно-коммуникационных технологий, основанных на применении микроэлектроники, локальных и глобальных компьютерных сетей, которые собирают, обрабатывают, генерируют и распределяют информацию через системы глобальных телекоммуникационных сетей» [Филимонов, 2018]. Попыткам проникнуть в закономерности выстраивания данного проекта и тем самым по возможности воспрепятствовать его реализации и была посвящена данная работа.

Список литературы

Агамбен Д. *Homo Sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011. 256 с.

Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 976 с.

Вирно П. *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ad Marginem, 2000. 176 с.

Дардо П., Лаваль К. *Неолиберализм и капиталистическая субъективация* // Логос. 2011. № 1 (80). С. 103–117.

Лаваль К. Л. *Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма* / Пер. с фр. С. Рындина. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 432 с.

Ортега-и-Гасет Х. *Восстание масс*. М.: АСТ: Астрель, 2016. 256 с.

Стиглиц Дж. *Глобализация: тревожные тенденции* М.: Мысль: Нац. обществ. науч. фонд, 2003. 300 с.

Филимонов В. П. *Цифровое общество и конец истории* // Актуальные вопросы национального суверенитета России: XXVI Международные Рождественские чтения, 2018. URL: <http://www.semplot.ru/tsifrovaya-ekonomika/9504-tsifrovoye-obshchestvo-i-konets-istorii> (дата обращения 15.02.2018).

Фуко М. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 уч. г.* / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сулова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011. 544 с.

Фуко М. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 уч. г.* / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

D. L. Shkarin

*Training Technology Development Center
61 Bolshakov Str., Ekaterinburg, 620142, Russian Federation*

dshkarin@mail.ru

**ALIENATION IN NEOLIBERAL SOCIETY:
ON TRANSFORMATION OF THE SOCIAL SUBJECT
OF OUR TIME**

The article analyzes the change in the social subject of modernity as the main agent of modern society, considers the factors of its transformation under the domination of the neoliberal model. It is demonstrated that the subject effects of alienation, identified in the writings of Marx and developed in the work of M. Foucault, are now most fully conceptualized in the studies of P. Dardot, C. Laval, A. Negri. The mechanism of total alienation, realized as a result of the complete subordination of all aspects of the individual's vital activity to the requirements of the economic order, is reflected in the trend of its statistical codification and full-scale digitization of performance indicators. The ultimate goal of such a strategy is to make alienation predominantly internal and internalized, which means complete subordination of the individual to the norms of a market society in its neoliberal version. Expansion of this kind is set by the following strategies: the free market doctrine; commercialization of the social sphere; the principle of competition as the dominant principle of social interaction, up to the complete delegitimation of the subjects that did not sustain it, with their reduction to the status of homo sacer in the terminology of D. Agamben. In the end, we outline the prospects for a transition to a globalized digital community and the further expansion of the neoliberal model into all spheres of modern society.

Keywords: alienation of a social subject, economic coercion, neoliberal society, control strategies, codification of behavior, digital society.

References

Agamben D. *Homo Sacer. Suverennaya vlast i golaya zhizn'* [*Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*]. Moscow, Izdatelstvo «Evropa», 2011. (In Russ.)

Boltanski L., Kyapello E. *Novyy dukh kapitalizma* [*A New Spirit of Capitalism*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. (In Russ.)

Dardo P., Laval K. Neoliberalizm i kapitalisticheskaya sub'yektivatsiya [Neoliberalism and Capitalist Subjectification]. *Logos*, 2011, no. 1 (80), p. 103117. (In Russ.)

Filimonov V. P. Tsifrovoye obschestvo i konets istorii [Digital society and the end of history]. *Aktual'nye voprosy natsional'nogo suvereniteta Rossii: XXVI Mezhdunarodnye rozhdestvenskie chteniya* [Actual Issues of the National Sovereignty of Russia: XXVI International Christmas Readings]. Moscow, 2018. (In Russ.)

Foucault M. *Bezopasnost', territoriya, naselenie* [Security, Territory, Population]. St. Petersburg, Nauka, 2011, (In Russ.)

Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki* [The Birth of Biopolitics]. St. Petersburg, Nauka, 2010. (In Russ.)

Laval K. *Chelovek ekonomicheskii. Esse o proiskhozhdenii neoliberalizma* [The Economic Man. The Essay on the Origin of Neoliberalism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. (In Russ.)

Ortega-i-Gasset H. *Vosstanie mass* [Revolt of the Masses]. Moscow, AST: Astrel Publ., 2016. (In Russ.)

Stiglitz D. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: Disturbing Tendencies]. Moscow, Mysl Publ., 2003. (In Russ.)

Virno P. *Grammatika mnozhestva: K analizu form sovremennoi zhizni* [Grammar of the Set: To the Analysis of the Forms of Modern Life]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. (In Russ.)